

Сергей Павловский

Тупик

роман

Глава 1

«... таким образом, результаты проведенной баллистической экспертизы позволяют заключить, что выстрел был произведен из пистолета Макарова № 769691. Представленные на экспертизу пуля и гильза составляли единый патрон.

Эксперт Сагайдачный С.Ю.»

Я выдернул лист из машинки и размашисто подписал. Как все хорошо и просто, когда под рукой и оружие, и гильза, и пуля.

В дверь просунулась стриженная под «еж» голова Вовки Стрельцова из химической лаборатории:

— Серега! К шефу, срочно!

— А зачем, не знаешь? — я с удовольствием потянулся в кресле, аппетитно хрустнул суставами пальцев.

— Точно не знаю, но у него Коновалец.

— Ясно...

Коновалец — начальник особого отдела по

борьбе с организованной преступностью. Этим всегда требовалась срочная экспертиза — вынь, да тот час и положь. А с другой стороны, многие сотрудники этого отдела ни шиша в самой экспертизе не соображали. Коновалец, увы, как раз входил в число таких сотрудников.

Шеф нашей конторы, доктор технических наук, Виталий Алексеевич Ставский никогда не отличался особой приветливостью. Доктор, можно сказать, «от сохи». Науки одолел, а манеры не успел. Но в этот раз, когда после стука я вошел в его кабинет, Ставский повел себя вовсе неожиданно. Буркнул под нос «садись» и отворотил взгляд в сторону. Словно созерцание моей физиономии вызывало у него непреодолимое отвращение. Коновалец, как ни странно, тоже косил куда-то в угол и молчал.

— Что, Виталий Алексеевич, срочное дело? — бодро начал я, стремясь разрядить атмосферу всеобщего молчания.

Ставский прокашлялся и как-то робко, неуверенно начал:

— Видишь ли, Сергей... Не знаю даже, как тебе и сказать...

— Да что стряслось? В самом то деле... — я удивленно перевел взгляд на Коновальца. Ведь неприятное известие явно исходило от него.

— У Вас в семье большое горе, — выдавил

Коновалец и нервно полез в карман за сигаретами. Достал из пачки одну, потом вдруг яростно скомкал ее грубыми пальцами, зашвырнул в урну и быстро выпалил, словно стремясь поскорее сбросить непосильный груз:

— Ваша жена трагически погибла сегодня.

— Лена погибла? Вы шутите? — глупо улыбнулся я.

— Такими вещами не шутят, — прохрипел из-за своего стола Ставский.

Не стану утверждать, что в тот момент я почувствовал что-то особенное. Просто отупел как-то, никак не мог взять в толк — как это Ленка, моя Ленка, и вдруг исчезла, пропала навсегда в одно мгновение. «Трагически погибла...» Не доходило — и все.

Ставский и Коновалец галдели о чем-то, теперь уже перебивая друг друга. А я сидел молча и не понимал. И при чем здесь отдел по борьбе с организованной преступностью?

Отдел, как оказалось после, когда я начал что-то соображать, оказался «при чем». Они брали прямо в холе отеля «Интурист» известного мафиози по кличке Сатана. Брали по наводке, в момент передачи ему кейса с героином. И в это же время нелегкая занесла мою Ленку в эту проклятую гостиницу. Она стояла возле аптечного киоска и что-то там разглядывала. Бойцы спецгруппы в

штатском блокировали Сатану и его напарника со всех сторон, но к непосредственному захвату еще не приступили, выжидали. И Сатана неведомо каким нюхом учуял неладное. Едва операция вступила в заключительную фазу, он схватил стоящую поблизости Ленку и прижал ее к себе левой рукой. А правую руку продемонстрировал сотрудникам спецгруппы. И в ней, этой руке, была граната. А затем Сатана зубами выдернул кольцо и сунул руку с гранатой Ленке под блузку. Мерзавец все точно рассчитал. Если бы он угрожал Ленке пистолетом, это не помешало бы снайперу разнести ему башку и выручить заложницу. А так решишь, выстрели — пальцы разожмутся, граната выпадет и...

Короче говоря, ублюдку разрешили выйти из отеля и сесть в машину. Его «вольво» спокойно отъехало со стоянки, свернуло на проспект, а потом... исчезло.

«Вольво» нашли аж через три часа, по звонку жителей Воскресенского микрорайона, которые видели как из машины выскочил человек и она сразу взорвалась. В изуродованном «вольво» нашли тело... Вот и все.

Лену, верней то, что от нее осталось, хоронили в закрытом гробу, без речей и даже без музыки. Но людей и цветов на похоронах было много. И из Ленкиного института, и из моей

конторы, да и друзья старые все вдруг объявились.

Похороны, поминки, прощальный ритуал и соболезнования... А мне хотелось одного — закрыться в нашей двухкомнатной «хрущевке», выпить до чертиков и, может, уснуть.

Поминальный обед наконец закончился. Прощальные рукопожатия, опять соболезнования... Люди расходились. Последним подошел Гена Сухарев, бывший сослуживец, а ныне сотрудник той самой группы захвата, в адрес которой у меня и слов не находилось.

Генка не числился в близких моих друзьях. Просто служили вместе при штабе армии. Я — в особой роте снайперов, а Сухарев — в роте охраны. Побывали с ним и Вильнюсе, и в Тбилиси. Но в последнее время виделись редко.

Да и что там нас, кроме службы, объединяло? Сухарева — жизнелюба, хвастуна и бабника, простого, как свежесмытая стенка, и меня, — занудного редковолосого педанта, для которого не существовало в Мире ничего, кроме оружия.

Впрочем, мужчины любят поговорить об оружии. Но со мной даже на эту тему разговаривать трудно. Настоящего знатока встретишь редко, а общение с дилетантами, да еще теми, что воображают себя знатоками, мне никогда не доставляло удовольствия. Мало того, просто нервировало.

Я, лично, первый свой самопал сделал в шестом классе, собственными руками сделал и дошел собственной головой. Уверен и сейчас — другого такого ни у кого в городе не было. Конечно же, отец, как только узнал о существовании этой игрушки, тотчас ее изъял. Но ломать не стал и ругался не особо. Он-то, старый охотник и обладатель второй по числу единиц коллекции оружия в Южанске, понимал — откуда в ребенке такая страсть. Понимал и даже радовался. Самопал стал украшением его коллекции и до сих пор я, глядя на него, дивлюсь собственному тогдашнему трудолюбию и сообразительности.

В шестнадцать лет я стал чемпионом СССР по стендовой стрельбе среди юниоров. Впрочем, конкурентов на чемпионате насчитывалось немного. Стендовая стрельба — дорогой вид спорта, можно сказать — элитарный. В семнадцать я взял серебро на чемпионате Европы по стендовой и золото Союза по пулевой стрельбе из пистолета.

На Европу я попал благодаря папиному другу, дяде Леше. Отец тогда уже умер от инфаркта. А дядя Леша, фанат оружия и охоты, возглавлял крупнейший в городе металлургический комбинат. На средства спортклуба комбината я и поехал в Европу. Поехал — и вернулся с серебром. Почему не с золотом? Да попросту приехал за день до начала соревнования. Три дня трясся в поезде,

устал чертовски. А нервная система у меня и тогда была весьма нежная. И много ли. тому пацану семнадцатилетнему, надо? Мазнул в квалификационных стрельбах, едва попал в зачетную двадчатку — восемнадцатым. А потом поглядел, как другие стреляют — и успокоился.

Дал всем жару, но до золота по очкам не дотянул. Что же до пулевой стрельбы, так я со своим «марголиным» не расставался ни днем, ни ночью.

Но, несмотря на все мои чемпионские титулы, ни атлетическим сложением, ни могучим здоровьем я не мог похвастаться. Скорей наоборот.

После школы сразу поступил в политех. Закончил с красным дипломом, тут-то меня и загребли в армию. Военкомату, что давно «положил на меня глаз», было наплевать и на мое здоровье, и на институт. Правда, от Афгана бог уберег, но в Вильнюсе и Тбилиси побывал.

Помните тот нашумевший кинорепортаж под названием «Наши»? Моя физиономия в нем фигурировала. А дело было как? Переодели нас в обычную общевойсковую форму, перебросили к телецентру и выставили под камеры Невзорову.

Но не всех выставили, а только троих. Олега Майсина — он росточку метр шестьдесят пять. Эдакий веснушчатый петушок. Дунь — улетит. Ага! Плюс черный пояс кунг-фу. Кулачком своим

маленьким лобную кость в мозги вколачивал.

Второй — старлей Оноприенко. Тот в свои двадцать восемь выглядел, словно семнадцатилетний. Розовощекий херувим-протяга с наивными синими глазами. Герой Советского Союза. Афганцы последних лет о нем хорошо наслышаны, тот еще протяга.

Но самый колоритный, конечно же я. Худющий, скрученный заморыш с интеллигентными очами. У кого на такого рука поднимется? А я с двух рук из табельного «макарова» за пять секунд шестнадцать мишеней валил.

Короче, поломали перед телевизионщиками комедию. А остальные «наши» старались в камеру не попадать. Больно уж морды и кулаки в кадре нестандартно смотрелись.

В армии я, как не уговаривали, не остался. В былые времена может бы и уговорили, скорей заставили, но теперь времена иные. Да и со зрением нелады начались. Пришлось даже контактными линзами обзавестись. Зато работу я нашел себе такую, о которой всю жизнь мечтал. Опять-таки дядя Леша помог. Но за такую протекцию областное бюро технической судебной экспертизы дядю Лешу могло только поблагодарить. Таких знатоков оружия, как я, во всем СНГ и десятка не наберется.

А женился я поздно, уже за тридцать, и с женой молодой прожил всего-то год, а надеялся...

Сухарев задержал мою руку в своей, замялся, наконец, решившись, выдохнул:

— Поговорить нужно.

Я безразлично повел плечами. Говорить с кем-нибудь мне хотелось меньше всего на свете.

— Старик, я понимаю твое состояние, но если я не скажу тебе сейчас, то... никогда уже не скажу.

— Что ж, пойдём, — вздохнул я.

В квартире стояли одуряющие запахи цветов, восковых свечей и еще тот отвратительный, что всегда сопутствует смерти. Я сразу широко распахнул балконную дверь. Освежающий тугой поток отбросил занавески, зашелестел кольцами на карнизе. Водки оставалось еще бутылок десять. Я откупорил одну, налил по полному стакану себе и Генке. Выпили стоя, молча; закурили.

— Ну что, старик, — ободрил я Генку хлопком по плечу, — Что там у тебя на душе, выкладывай.

Сухарев сел на краешек кресла, нервно затаился и вдруг пристукнул кулачищем по подлокотнику:

— Старик, это не был прокол в операции. Все, конечно, может случиться, но подобные операции отрабатываются до тонкостей и... Дело в том, что

Сатану предупредили. Хоть и в последний момент, но у него осталось время, чтобы найти контрход. И он нашел его.

— Интересно, — устало поморщился я, — И кто же предупредил?

— Понимаешь, — заторопился Генка, — Мы ведь не занимаемся оперативной и следственной работой. Наше дело — только захват. Нам, конечно, дают вводную и данные на объект захвата, фотографию, рост, вес, приблизительные физические данные и возможное вооружение. Больше ничего. В качестве координаторов, конечно, в операции принимают участие оперативники. Вот. А на Сатану нам дали вводную за час до операции — бывают такие ситуации. Нас подняли по тревоге, проинструктировали за пять минут — и по коням. Но, повторяю, такие операции отработаны.

Сухарев перевел дух и без всякой связи со сказанным спросил:

— Ты знаешь Овчарова?

Я отрицательно махнул головой — эта фамилия мне ничего не говорила.

— Овчаров — командир нашей группы, — пояснил Генка, — Он, как и все, ознакомился с объектом за час до начала операции. А там, в холле «Интуриста», повел себя странно. Сатана с напарником ждали у аптечного киоска посредника с наркотой. Мы потихоньку блокировали весь первый

этаж. Я был все время рядом с Овчаровым. Сначала мы наблюдали за Сатаной, а затем Овчаров приказал мне оставаться на месте, а сам, чтобы подробней рассмотреть объект — это он так объяснил, — решил пройти мимо Сатаны и его напарника. Оценить, так сказать, обстановку. По инструкции это запрещено делать, но командир группы, конечно, имеет право нарушить инструкцию по обстоятельствам.

И он прошел, просто прошел в двух метрах от Сатаны. А тот... тот узнал Овчарова. Я понял это по выражению лица Сатаны. Нет, командир не подавал ему никаких знаков, он, повторяю, просто прошел мимо. Но Сатана его знал, клянусь чем угодно. И как только Овчаров отошел подальше, он... Я ведь твою жену никогда не видел, да и кто мог предположить?

— Слушай, может тебе все это приснилось, а? — горько усмехнулся я.

— Нет, Серега, не приснилось, — твердо заверил Генка, — Я тебе больше скажу: к этому Овчарову я уже давно присматриваюсь. Оклад у нас, сам знаешь неплохой, но на новую иномарку его не хватит. А у этого их две — «форд» и «опель». Да две квартиры в центре и дом за городом. И все это появилось у него в последние два года. За какие такие шиши, спрашивается? Да и много всякого другого.

Сухарев потянул со стола бутылку водки, плеснул мне и себе, выпил махом, утер губы рукавом.

— Знал Сатана его, точно. И так я тебе скажу. Я тоже не прочь красиво пожить, но совесть у меня есть. А у этих она и не ночевала. Ведь Сатана кто? Правая рука Осетина. А Осетин кто? Самый крутой пахан в нашем городе. Почему самый крутой? Потому что весь бензин — и государственный, и левый, и частный — проходит через его лапки. Он может крантик перекрыть, а может и отвертеть на полную. А от крантика этого не один десяток и не одна сотня людишек кормится, от заправщика на станции до большого начальника в кресле. Так что хрена кого найдут, дело закроют, а командир наш боевой отделается выговором и купит еще одну тачку. Я вообще удивляюсь — как это они на Сатану покуситься посмели.

Порыв ветра снова всколыхнул занавески на окнах. Я поднялся, захлопнул дверь на балкон и с неожиданным спокойствием повернулся к Генке:

— Ну и пускай дело закрывают. Не волнуйся — каждый заплатит и по счету, и с процентами.

Сухарев, уже порядочно осовевший, тупо уставился на меня. Откуда ему было знать, что все время, пока он говорил, я все время пытался представить, что чувствовала Ленка с гранатой у самого сердца.

Я так и не представил этого, зато мне до смерти захотелось увидеть рожу Сатаны, рожу, перекошенную животным страхом. И вдруг легко и просто осознал, что не успокоюсь, пока не увижу ее, эту ненавистную рожу, и еще осознал, что бывшая счастливая жизнь ушла в прошлое.

Зато я нашел себе достойное занятие.

— Ты, Гена, вот что... Можешь свести меня с Овчаровым наедине? Только чтоб он и не догадывался, кто я такой. Давай вместе придумаем что-нибудь на трезвую голову.

— Я думаю... это можно, — пьяно потупился Сухарев.

— Тогда давай так: ложись спать у меня, а утром на свежие мозги и помозгуем. Лады?

— Лады, — Генка икнул и тяжело уронил голову на грудь. Мне спать почему-то расхотелось.

Глава 2

Овчаров на дачу приехал. Купился, дешевка, на дармовую выпивку и б...й. Генка наплел ему, что из Москвы приезжает его кузина с двумя подругами. Ну и, мол, организуется на даче у одного приятеля шашлык. В роли приятеля выступал, конечно, я. В лицо, по счастью, меня эта паскуда продажная не знала. Но я на всякий случай еще немного подгримировался.

А дачу мне оставил под присмотр друг детства — врач по профессии, который укатил работать на три года по контракту в Ливию. Не хотелось мне подставлять друга Витьку, но деваться некуда, дача его нужна позарез.

И вот с веранды витькиной дачи я с неведомым доселе болезненным интересом наблюдал, как Овчаров вылезает из Генкиного потрепанного «жигуленка». Может быть подобный интерес к намеченной жертве и испытывают все убийцы. А может только я и только в первый раз, но странное это сознание, что вот беззаботный, полный жизни человек скоро исчезнет, словно и не ходил он по земле. И произойдет это по твоему желанию, по твоей воле.

Нас, конечно, готовили в спецназе убивать, но говорить — одно, а убивать — другое. Странно... жалости никакой я не испытывал и не колебался. Знал, что убью. Этого — убью легко и даже испытаю ни с чем не сравнимое наслаждение. Наслаждение мезью. Но интерес был, ненормальный интерес.

Они неторопливо шагали по аккуратно посыпанной песком тропинке и беззаботно беседовали. Генка, судя по его виду, расписывал красоты предстоящего вечера и достоинства «телок», которые существовали лишь в его воображении. И даже с расстояния в двадцать

метров я рассмотрел, как похотливо горят глаза этого скота Овчарова и разве что слюни не текут по гладко выбритой холеной роже.

— О! А вот и Серега! — приветливо махнул мне рукой Генка.

Я поднялся и, улыбаясь во всю ширь своей худой физиономии, двинулся навстречу.

— Знакомьтесь. Это — Серега, а это — Борис.

Мне пришлось пожать его крепкую шершавую ладонь и, представьте себе, меня несколько не покорило.

— А где же телки? — оживленно огляделся по сторонам Генка.

— Телки... — хохотнул я, — Кажется, одна из них приходится тебе двоюродной сестрой?

— Ох! — пренебрежительно отмахнулся Сухарев, — Я ее второй раз в жизни вижу. А б...дь еще та. Шо она, шо подруги. Одно слово — москвички.

— Точно, — с видом знатока включился в беседу Овчаров, — Сколько москвичек не знал — все б...ди конченые. Словно у них в столице и мужиков нет.

— Таких, наверно, нет, — польстил я Овчарову.

Впрочем, с определенной точки зрения он выглядел и вправду недурно. Эдакий лощеный призовой жеребец в спортивном пумовском

костюме.

— А девки пошли на пляж. Через часик обещали вернуться. Так что предлагаю пока «по сто», а потом и мангальчик раскочегарим.

Мы поднялись на веранду, где я уже сервировал заранее стол. Жалко было тратить на такое дерьмо, но игру испортить нельзя, да и пусть жрет — в последний раз.

Икру, конечно, я на стол не выставлял, но на салями, балычок и грибочки пришлось раскрутиться. А еще традиционно и огурчики, и помидорчики, и лучок, и киндза. Пиво баварское, в запотевших бутылочках, коньяк армянский, из старых запасов, и водочка «Смирнов». У Генки при взгляде на этот стол и челюсть отвисла. А мне ни есть, ни пить не хотелось.

— О! Круто, круто, — отпустил Овчаров, — Неплохо живут новые русские.

«Новый русский» — это он на меня намекал. По нашей сказке, я — крутой бизнесмен и финансирую развлечения. Так дело и обстояло, только развлечений никаких не предвиделось. А обед... Пусть жрет, скотина.

— О! А это что? — гоготал Овчаров, подцепив со спинки стула купальный бюстгальтер.

— Это твоей Машки, — подмигнул игриво я, — Она по европейской моде на пляж пошла.

— Ого! Размер подходящий, —

удовлетворенно отметил Овчаров.

— Задница тоже в твоём вкусе, — заверил Генка, — И вообще, клевая коза.

Никакой Машки конечно же и в природе не существовало, а бюстгальтер я вывесил для пущей правдоподобности. Впрочем, Овчаров и без этих деталей проглатывал все, что мы ему подсовывали. И Генка молодец, хорошо вел свою роль.

— Ну, давай по первой, — я потер ладошки, — Тебе чего, Боря, коньячка, водочки или шампусик раскупорим?

— Не, — щелкнул пальцами Овчаров, — «Шампунь» на вечер, а пока давай по водочке.

«Вот и славно, — отметил я про себя, — Под водочку я и рассчитывал».

Пил Овчаров, по характеристике Генки, мощно. Бутылка водки для него, что для другого стакан газировки. Но я не собирался его спаивать. Фокус состоял в том, что водку он имел обыкновение запивать пивом. Такая вот глупая привычка. Первую он, положим, закусил грибочками, но после второй потянулся за пивной бутылкой. Пробка аппетитно чмокнула и отлетела на пол.

Овчаров жадно припал к горлышку и высосал в три глотка все содержимое. Утер сальные губы рукавом, смачно отрыгнул:

— Класс пиво, холодненькое и с горчинкой,

как мне нравится. Умеют бундес делать.

— Ну... положим горчит оно не потому, — многозначительно протянул я.

— А почему? — заинтриговано уставился на меня Овчаров.

— Да потому, что в этой бутылке лошадиная доза атропина — экстракта красавки. Слышал о такой?

— Не понял, а зачем? — он непонимающе захлопал ресницами.

— Понимаешь, — охотно пояснил я, — Имя мое ты узнал, а фамилию не потрудился. Фамилия же моя — Сагайдачный. Ну, помнишь еще такую фамилию?

Овчаров икнул:

— Ну... что-то припоминаю.

До него все еще не доходил трагизм ситуации.

— Вот, уже икаешь, — удовлетворенно отметил я и плеснул себе коньяка в рюмку, — Через минуту у тебя пересохнет во рту, зрачки расширятся и ты станешь плохо видеть. Через пять минут начнутся сильнейшие спазмы в животе, затем перебои в сердце. А через десять — ты сдохнешь в страшных муках, если, конечно, не дать тебе противоядия. Ну, теперь дошло?

И я с удовольствием пригубил свою рюмку.

Дошло, наконец для него дошло.

— Ты... Ты... — багровея зашипел он, — Да я

тебя, сука!

Играть в подобные игры с Овчаровым было опасно. Поэтому я заблаговременно выбрал за столом такую позицию, чтобы он не мог достать меня лапой. Стол я прибил гвоздями к доскам пола и он не двигался. Ну а чтобы прыгнуть на меня, ему требовалось как минимум встать. И он начал медленно приподниматься.

— Сядь! Я выстрелю раньше, — заверил я Овчарова, выложив на столешницу руку с зажатым в ней «кольтом». Ствол «кольта» многозначительно украшал глушитель.

— Для информации, — спокойно продолжал я, — Я двукратный чемпион Союза по пулевой стрельбе из пистолета.

— Это без понтов, — угрюмо подтвердил Генка.

Овчаров перевел налитые кровью глаза на него и проревел:

— И ты, значит, падло!

Проревел — и вдруг подавился.

— Что: во рту пересохло? — слабо улыбнулся Сухарев, — Ты теряешь время. Глотни лучше водички да послушай, что тебе говорят.

Зрачки у Овчарова заметно расползлись. Он провел ладонью по лицу, словно смахнул невидимую паутину и сник. Затем послушно сел и схватился за сердце.

Точно так и должно все идти. И тут — я его пожалел, чуть не до слез. Ведь никакого противоядия я предложить не мог — у меня его попросту не было, а дозу я ему всыпал хорошую... смертельную дозу.

И еще я понял, что убить человека, когда видишь его издалека, в рамку прицела — это одно, а вот так, лицом к лицу — другое. Понял и решил никогда больше так не убивать.

А потом вспомнил улыбку Ленки и ее радостный возглас: «Правда?», когда мы вместе ходили в Центр диагностики на ультразвуковое исследование. Мы тогда не были уверены — беременность у Ленки или нет. А сканер сразу подтвердил — точно, беременность, еще и предполагаемую дату родов выдал. Такой улыбки на лице жены я никогда раньше не видел... и больше не увижу. Жалость сразу улетучилась.

— Слушай, дерьмо собачье, — прохрипел я, — У тебя еще пара минут, не больше. Будешь отвечать на вопросы?

— Буду, — еле слышно шевельнул он пересохшими губами.

— Кого ты узнал в «Интуристе»? Кто убил Лену?

Я протянул ему стакан с «пепси-колой».

— Леонид Макаров, кличка Сатана, — выдохнул он, жадно высосав стакан.

— Где он сейчас?

— Не знаю, честно... не знаю. Дай противоядие — я и так расскажу.

— После. Кто знает, где Сатана?

— Гиви Осетин.

— Как найти Осетина?

— Не знаю. Я связывался с ним через Ингу. Инга — Принцесса. Почти каждый вечер она в казино «Фламинго». Ее там все знают, а после часа ужинает или там же, или в ресторане «Европа». Там и Осетин обычно ужинает. Но я его только два раза видел.

Он говорил быстро, захлебываясь словами.

— Сколько ты получал, мразь?

— Все зависело от важности информации. До пяти штук.

— Что ты еще знаешь?

— Больше ничего! — он почти завопил, — Дай противоядие, ты, падло!

И в этот момент я выстрелил. Не знаю — как это получилось. Просто палец сам собой нажал на спуск. Раздался легкий треск, словно воздушный шарик лопнул, на лбу Овчаров нарисовалось аккуратное темное пятнышко, из затылка брызнули кровавые осколки. Он опрокинулся со стулом назад — и словно исчез, провалился. Только легкий синий дымок курился над стволом «кольта».

— Ну ты, Серега, даешь... — прокашлялся

Сухарев, зачарованно глядя на то место, где над столом еще секунду назад возвышался внушительный торс его командира.

— Что сделано — то сделано, — сквозь зубы процедил я и распорядился с неожиданной решимостью, — Трепаться некогда — давай прибираться.

Вдвоем мы не без труда протащили грузное тело к заброшенному колодезю в саду.

Колодец этот вырыли еще в начале века. Пересох он лет двадцать назад и словно по заказу оказался прямо в саду Витькиной дачи. А Витя его неизвестно из каких соображений, скорей из лени, не засыпал, а просто забил сверху досками.

Доски я заблаговременно содрал, а на дно высыпал десяток ведер негашеной извести. Готовился основательно. Какой — никакой, а эксперт-криминалист.

Поражало меня только собственное хладнокровие, когда занимался я этими адскими приготовлениями. Недаром говорят, что в каждом нормальном человеке живет потенциальный убийца. Я не Достоевский и развивать эту тему не собираюсь.

Сбросили мы тело в колодец, а сверху насыпали оставшуюся известь. Ведер пять набралось. Этого достаточно, чтобы через пару дней труп превратился в неидентифицируемую

массу.

Хм... «Неидентифицируемую»... Я именно так про себя и произносил.

И все время, пока мы трудились, ни я, ни Генка не произнесли не единого словечка. Правда, Генку едва не вырвало, когда мы волокли труп.

Когда вернулись на веранду, сразу, не сговариваясь, хапнули по полному стакану коньяка. Потом Генка вышел за калитку посмотреть — не видно ли вокруг чего подозрительного, — а я прибрал веранду. Тщательно смыл кровь на перилах и полу, сверху еще полил перекисью водорода. Она так и зашипела, пожирая последние микроскопические остатки крови. Гарантии, что при повторном исследовании она не зашипит предательски вновь в каком-нибудь укромном уголке нет, но так спокойней.

Экспертиза в наши времена проводится не так, как в золотые годы, когда убийство считалось ЧП областного масштаба и за нераскрытие его снимали головы и погоны. А все же начальник особого подразделения ОМОН — это фигура. Искать будут тщательно. Тут уж клановый интерес — своего же замочили. Лучше перестраховаться.

Сухарев уже вернулся и принялся помогать мне, все так же молча. Молчал и я.

И пулю мы нашли — жалкий, сплюснутый кусочек свинца, что, походя, выворотил человеку

полголовы. Свинцовой пулей я зарядил патрон на случай, если бы мы не нашли ее, а эксперты раскопали. По этому свинцовому комочку невозможно заключить — из ствола какого оружия он вылетел. И рикошета свинец не дает — его легче найти после выстрела.

Так хлопотали мы с Генкой часа три. Убрали все чисто, но абсолютной гарантии никогда нет.

Интересно, но коньяк ни на меня, ни на Сухарева вроде и не действовал. Закончив уборку, мы выпили еще по стакану и, наконец, Сухарев обрел дар речи:

— Все, Серега! Дальше я тебе не помощник, — решительно отрезал он, — А помог я тебе, согласишься, так, как никто бы не помог.

— Это точно, — подтвердил я словами красноармейца Сухова.

— Ты только не обижайся, но будь Овчаров человеком, я бы на такую помощь не согласился. А дерьма не жалко, но дальше я...

— Да ты не оправдывайся, Гена, — тихо перебил я его, — Тебе и перед собой не в чем оправдываться. И я не обижаюсь.

Сухарев шмыгнул носом:

— Правда?

— Правда.

— И еще одно... — он замолчал, собираясь с духом, наконец собрался, — Я, если честно, еще и

боюсь. У меня ведь семья есть. А Осетин, сам знаешь... Боюсь, он и тебе не по зубам. Лучше бы тебе завязать с этим делом. С главным виновником мы уже рассчитались.

— Осетин... — протянул я, разминая сигарету, — Да, крестный папа... Крутой пахан.

Конечно, я понимал Сухарева, да только он, Генка, меня не понимал. Ну что такое глава мафии, крестный отец, авторитет-уголовник? Такой же смертный, как и все мы. И старухи с косой я, на данном жизненном этапе, боюсь меньше, чем, я уверен, поганый Осетин. Это первое мое преимущество.

А второе преимущество в том, что я за ним охочусь, а не он за мной. Это обыватель дрожит перед мафией. Дрожит, потому что не смеет напасть первым и убить не смеет. Держат обывателя семья, служба, бизнес. Что там еще? А меня ничто не держит, и я посмею напасть и убить: уже посмел!

Да и убить любого просто, если задался такой целью. Родить и воспитать — трудно, а убить... Так что плевал я на Осетина и на его мафию. Пусть они дрожат в своих постелях, кабаках, на дачах и в саунах.

Два года назад один парень, из отставных военных, застрелил мэра города, директора частного детективного агентства и наемного

убийцу. Я сам тогда проводил экспертизу. Парень пользовался «майером» с глушителем. И вы думаете, его нашли, этого партизана? Черта с два! А ведь дело вел шестой отдел, а потом и Московская СБ. И, как оказалось, убивал он из мести, как и я. А где он теперь, никому не ведомо.

А Сухарев ничего этого не понимал. Не понимал, потому что, несмотря на свою профессию, был чистой воды обывателем. И потому все они, омовцы и прочие спецы, прячут на заданиях свои лица под масками, скрывают даже от близких друзей место своей работы. И правильно делают. А мне скрываться нечего.

— Ладно, Гена, — протянул я ему руку, — Держи лапу, но надеюсь, ты сможешь дать мне при необходимости кой-какую информацию?

— Это можно, — улыбнулся он, — Как меня найти, знаешь?

— Найду, — кивнул я.

— Тогда пока.

Он поднялся и неторопливо зашагал к калитке.

— Гена! — окликнул я его напоследок. Сухарев оглянулся с каким-то болезненным выражением на лице.

— Спасибо тебе!

— А...

Он махнул рукой, скрипнула калитка — и

Сухарев уехал.

Глава 3

В казино «Фламинго» я, понятно, никогда не захаживал — не мой уровень. Только входной билет тянул десять долларов по курсу. А еще прикид соответственный нужен.

Костюмчик у меня свадебный еще ничего, вполне приличный — это мне так казалось, пока я не попал в казино. Не скажу, что публика там сплошь щеголяла в смокингах и фраках, хотя и такие попадались. Но пиджаков подобных я не видывал и в американских фильмах из жизни миллионеров. Правда, может и потому, что там респектабельная публика предпочитает неброские тона. А здесь ребята искрились, полыхали и переливались всеми цветами радуги.

О женщинах и говорить не приходится. Никогда бы не подумал, что в нашем городишке такое количество шикарных супермоделей.

В украшениях я не особый спец, но готов поклясться: камушки, что демонстрировали эти холеные стервы в ушах, на шеях и пальцах, куплены отнюдь не в ювелирном магазине за углом.

Дизайн залов и уровень обслуживания, как говорится, соответствовал. Что не говори, а мы, славяне, мастеровитая и даровитая нация. Вот

попробуй негр, араб или китаец без иностранной помощи наворотить подобное — ни шиша у него не выйдет. А у нашего брата запросто. Казино-то разрешили открыть всего год назад, — и вот, получите. В Монте-Карло мне побывать не довелось, но уверен — там не лучше.

Выпивка и легкие закуски — бесплатно. Не совсем, конечно, ведь входной билет купить пришлось. Хочешь поужинать или позавтракать — в соседнем зале столики, меню, официанты. Меню я не интересовался, но видел через дверь, как официант протащил на подносе громадного омара, обложенного зеленью.

Ладно. В казино я вошел, но если найду эту Принцессу и изложу свои пожелания, то с выходом могли возникнуть проблемы.

Нет, я конечно же вышел бы, но до места жительства мог и не добраться. Говорю «до места жительства» потому, что дома я уже не появлялся, обитал на даче.

На случай непредвиденных осложнения я предпринял контрмеры.

Во-первых, прихватил свое служебное удостоверение. По нему не поймешь, что я просто сотрудник бюро экспертизы, обычная краснорожая ксива эмвэдэшника без указания должности.

Во-вторых, заказал ровно к часу такси на выход, а потом спланировал еще один ход.

И конечно же взял с собой пушку, тот самый «кольт» тридцать восьмого калибра, гордость отцовской коллекции.

Кольт на входе у меня вежливо отобрали охранники казино. Такое, оказывается, здесь правило, и аппарат стоял, как на аэродроме.

Разрешения на ношение оружия не спрашивали, но я продемонстрировал удостоверение и еще уточнил, что я заявился не по службе, а как обычный посетитель. Хотя и этим никто не интересовался. Охранники при мне записали данные кольта и спрятали его в сейф. Я успел заметить в нем не менее десятка подобных игрушек. Взамен выдали жетон с номером — все, как в гардеробе. Но лицо мое ребята запомнили, видно это было по внимательным изучающим взглядам. Ничего, пускай.

Для приличия я купил несколько фишек, повертелся у игрового стола № 2.

Правила я прочитал перед посещением в брошюре «Азартные игры». Купил ее на углу в бывшем киоске «Союзпечати». Удивительно, но я даже выиграл немного и окупил расходы. Недаром говорят, что дилетантам везет. Но игра меня не увлекла, честно, не увлекла. Может потому, что и времени не было и настроение не то.

Улучшив момент, когда у кассы никого не было, я разменял фишки на рубли и пока кассир

пересчитывал их, наклонился к окошку и тихо осведомился:

— Слышь, друг, а какая тут из баб Инга Принцесса?

Кассир удивленно захлопал на меня рыжими ресницами и раздраженно зашипел:

— Я не знаю такой.

Сунул нервно мне пачку купюр. Знал, конечно, знал он Принцессу. Я же вижу, не дурак. Тогда я небрежно отодвинул стопку обратно в кассу и подмигнул:

— Может, вспомнишь? Не бойся, мне она по делу нужна, а здесь, говорят, ее все знают. А ты же, можно сказать, на переднем крае торчишь. А?

В стопке рублей было долларов на сто, и все мы люди. Кассир покосился по сторонам и привычно смахнул деньги в ящик кассы. Затем мило улыбнулся и негромко, так, словно произносил дежурную любезность, быстро произнес:

— Она вышла в зал-ресторан. Столик в углу, высокая блондинка в открытом вечернем платье. На шее кольцо с изумрудами.

— Спасибо, друг, — благодарно улыбнулся я, — А Осетина, конечно, нет?

Он испуганно мотнул головой. Я не стал больше искушать беднягу и отошел от окошка. Тем более, что охранник неподалеку уже стал

подозрительно на меня коситься. Как ни в чем не бывало, я сунул руки в брюки и походкой усталого денди направился в зал-ресторан.

Ингу я узнал сразу, как только вошел. Точно, блондинка за угловым столиком, в гордом одиночестве. И она сразу бросалась в глаза.

Откуда-то сбоку вынырнул администратор в белом смокинге и с красной бабочкой на шее.

— Будете ужинать? — услужливо прогнулся в отработанном поклоне.

— Пожалуй... — пожал я плечами.

— За какой столик Вас посадить?

Я обвел скучающими глазами зал. Он был заполнен на четверть. Время ужина, видимо, еще не подошло и администратор мог предоставить клиенту выбор.

— Если можно, то вон за тот, в углу, рядом с блондинкой.

Он выпрямился и с тонкой понимающей миной осклабился:

— Простите, но эта дама не просила подсаживать к ней э... собеседника. А вон той брюнетке, если желаете, Вы можете составить компанию.

Я вздохнул и склонился к его уху. Мне показалось, что это ухо даже развернулось, словно локатор, мне навстречу.

— Вас как величать?